

Дверь в спальню с грохотом распахнулась. В комнату влетел Ся Далан и, бросившись к кровати, легонько потряс брата за плечо:

— Юаньбао, просыпайся!

Ся Чэнь приоткрыл один глаз, изо всех сил изображая сонную одурь:

— Старший брат, что стряслось?

Ся Далан схватил лежавшую у постели стёганую душегрейку и принялся проворно натягивать её на мальчика:

— Те сопляки, что над тобой измывались, меж собой перегрызлись! Устроили такую бучу — дым коромыслом! Отец велел мне поскорее привести тебя туда.

Глаза Ся Чэня мгновенно блеснули. Ну и шустёр же его батюшка! Не верилось, что несколько семейств, связанных общей грязной тайной, вдруг ни с того ни с сего вцепились друг другу в глотки. Без отцовской руки тут явно не обошлось.

— Юаньбао, — зашептал Ся Далан, — отец просил передать: как придём, ты только пальцем покажи, кто тебя к реке заманил, а больше — ни слова. Если станет невмоготу — сразу реви.

Ся Далан и сам толком не понимал, к чему такие хитрости, но наказ отца передал слово в слово. Ся Чэнь же всё понял с полуслова.

Когда пакостят гурьбой, всегда ищут козла отпущения. Сейчас, в самый разгар свары, стоит только указать на зачинщика, как остальные семьи мигом объединятся и свалят всю вину на него одного, лишь бы обелить собственных отпрысков.

Однако, судя по дознанию господина Ся, настоящий негодяй, принявший посулы от семейства Тянь и подговоривший ребятню сгубить Ся Чэня, вовсе не был тем, кто заманивал дурачка слащавыми речами. Тот, кого все считали заводилой, оказался лишь пешкой, обречённой принять удар на себя.

К тому же эти сорванцы происходили из зажиточных деревенских семей и ни в грош не ставили род Ся, у которого, кроме лишней земли, никаких богатств и не водилось. В былые времена они частенько шпыняли и осыпали бранью маленького дурачка.

— Брат, я всё понял, — послушно кивнул Ся Чэнь.

Ся Далан бережно подхватил братишку на руки и размашистым шагом направился к месту, где собирался деревенский люд.

На каменистом речном берегу толпились чуть ли не все жители деревни. Стоило Ся Далану с Ся Чэнем на руках показаться вдаль, как люди поспешно расступились, давая им дорогу. Перед глазами Ся Чэня предстала живописная картина.

Те сорванцы, что заманили его на лёд в тот злополучный день, теперь выглядели жалко. Лишь один отделался промокшими штанами, остальные же вымокли до нитки — краше в гроб кладут, будто в реке искупались.

Дни хоть и становились теплее, но до настоящей весны было ещё далеко. По воде всё ещё плыли нарастающие льдинки. Искупавшись в такой купели, мальчишки насквозь пропитали свои стёганные куртки водой, отчего те потяжелели, точно налитые свинцом.

Их родители, с воплями и причитаниями бросившиеся вылавливать чад, сами превратились в мокрых куриц. Взрослые и дети, содрогаясь от озноба в мокрой одежде, с которой ручьями стекала вода, сбились в кучу и дрожали как осиновые листья.

И рады бы они пойти домой да переодеться в сухое, но дорогу им намертво преградили дядя, двоюродные братья и племянники Ся Чэня — десятка полтора крепких, плечистых мужиков. В руках они грозно сжимали ножи для забоя скота, тесаки и увесистые дубины.

Госпожа Ся казалась кроткой и хрупкой, но её родня держала единственную в городке бойню. Все её три старших брата были настоящими богатырями — косая сажень в плечах, а уж когда они взмахивали тяжёлыми тесаками, воздух со свистом рассекался.

Ся Чэнь впервые после выздоровления видел родню с материнской стороны. Раньше, когда он ещё блуждал в беспамятстве, он иногда ходил с матерью к дедушке. Родственники всегда баловали его, а его вторая сестра, Ся Иньци, даже вышла замуж за младшего сына старшего дяди.

Ся Чэнь, конечно, знал, что близкородственные браки до добра не доводят, но к моменту его рождения сестра уже была замужем, а пока он рос дурачком, успела обзавестись парой детишек. К счастью, за вычетом лёгкой хилости маленького племянника Бэй-гээра, оба ребёнка росли вполне здоровыми.

Как бы то ни было, увидев родню матери, Ся Чэнь окончательно уверился: всю эту кутерьму заварил отец. Иначе дядя не успели бы так вовремя — пешком из города добираться добрых полчаса с лишним.

— Идут, идут! — выкрикнул кто-то в толпе, заметив Ся Чэня.

Мамаши промокших паршивцев, только что яростно спорившие и таскавшие друг друга за волосы, мигом ринулись к Ся Чэню, но Ся Далан вовремя заслонил брата широкой спиной.

— Маленький дурачок, ну же, скажи всем! Кто тебя на лёд погнал? Из какого дома? Покажи пальцем!

— Кого это ты дурачком назвала?! — рявкнул Ся Далан, закипая от ярости. — Язык прикуси, если по-человечески разговаривать не умеешь!

Привыкли к попрекам да обзывательствам. Каковы взрослые, таковы и дети. Оболгавшую Ся Чэня бабу мигом оттеснили другие мамыши, наперебой засыпая мальчика теми же вопросами.

Ся Чэнь соорудил испуганную гримасу, спрятался за плечо старшего брата и, лишь слегка высунув голову, указал пальцем на продрогших сорванцов, у которых сопли застыли на лицах:

— Он... он... и он. Вот они.

Когда же его попытались расспросить, кто именно заговорил с ним первым, мальчик наотрез отказался отвечать. Он лишь сильнее вжался в Ся Далана, который надёжно укрывал его отседавшей толпы. Вскоре подросли Фэн Цюнянь и госпожа Ся с заплаканными глазами, и под их опекой Ся Чэнь благополучно вернулся домой.

Вскоре господин Ся привёл шуринов и племянников к себе. Госпожа Ся, Фэн Цюнянь и бледная, напуганная матушка Лэй поспешили на кухню — греть воду и готовить угощение: глава семейства настоял, чтобы гости остались на ужин.

Пока мужчины громко толковали в гостиной, Ся Чэнь без зазрения совести грел уши за дверью. Так он узнал, что господин Ся при всей деревне громогласно объявил о разрыве всяких отношений с семьями тех сорванцов. Отныне и навек — никаких общих дел.

Ся Чэнь полностью одобрял отцовское решение. Попытайся они требовать виру, эти скряги замучили бы их бесконечными тяжбами и склоками. Куда лучше разрубить этот узел раз и навсегда, да ещё и прослыть в глазах односельчан людьми благородными. К тому же господин Ся уже сполна поквитался со злыднями: те, кому следовало искупаться, отправились прямиком в ледяную воду. Пусть померзнут хорошенько, глядишь, и спесь сойдёт, и ума прибавится.

Поскольку в потёмках добираться до города было не с руки, ужинать сели пораньше. Закончив трапезу, дядя засобирались в обратный путь. Госпожа Ся собрала им в дорогу сушёных овощей: в городе жизнь сытная, у мясников всегда водилось мясо, а вот со свежей зеленью зимой было туго.

Проводив гостей, госпожа Ся с Фэн Цюнянь принялись прибирать в доме. Господин Ся увёл младшего сына в сторонку и тихонько прошептал:

— Юаньбао, батюшка тебе обещал: никто не смеет тебя обижать. Вот увидишь, я этих негодяев так просто не оставлю.

Даже ночью, когда Ся Чэнь перенёлся в системное пространство, на душе у него всё ещё было тепло. Прожив больше двадцати лет в прошлой жизни, он только теперь осознал, какое же это невероятное счастье — быть любимым сыном, за которого горой стоит вся семья.

В его прошлом мире отец был статным красавцем и богачом, чьё лицо частенько украшало обложки деловых журналов. Ради выгоды компании он вовсю создавал образ идеального семьянина, и тысячи пользователей в сети в шутку звали его «папочкой». Вот только на школьное собрание к собственному сыну этот «папочка» не пришёл ни разу.

— Бань-эр, мой отец... он замечательный. Правда. Лучший на свете. И матушка, и брат с сестрой — все они у меня просто чудесные, — шептал Ся Чэнь, расплываясь в глупой, счастливой улыбке, словно и впрямь превратился в маленького дурачка. Сердце его переполняла нежность.

Однако Ся Тунбань не отличался чуткостью и вместо того, чтобы поддержать душевный порыв хозяина, сухо отозвался своим обычным механическим тоном:

[Этот мир выбран мной специально для вас. Если уважаемый хост не станет прилежно возделывать пашню, то превратится в обыкновенного бездельника-нахлебника, паразитирующего на шее у своих «замечательных родственников».]

К подобным шпилькам со стороны Ся Тунбаня у Ся Чэня уже выработался надёжный иммунитет. Да и настроение было слишком хорошим, чтобы препираться с вредной жестянкой. В конце концов, при всём уважении к отцу-землевладельцу, отец будущего столичного чиновника звучал куда представительнее.

— Ладно, ладно, иду я работать, — проворчал Ся Чэнь.

Он привычными движениями собрал созревший урожай с шестнадцати грядок, а затем посеял новые семена. Бросив взгляд на шкалу опыта, он отметил, что уровень перевалил за четвёртый.

Закончив с повседневными заботами, Ся Чэнь со сжавшимся от жалости сердцем — ведь в кошельке у него осталось всего несколько сотен медных монет — извлёк из хранилища купленную в лавке сельскохозяйственную книгу.

В детстве, когда родители Ся Чэня шумно разводились, он подолгу жил у бабушки с дедушкой. Дед обожал каллиграфию и научил внука разбирать традиционные иероглифы. Местное письмо оказалось на удивление похожим на старинную китайскую вязь из его прошлого мира.

— Ну-ка, поглядим, что за сокровище стоит целых три ляна серебра, — проворчал Ся Чэнь, буквально выдавливая каждое слово сквозь зубы.

Книга была отпечатана старинным способом — вертикальными столбцами, и, разумеется, без

единого знака препинания! Ся Чэнь знал лишь самые ходовые иероглифы, поэтому читал со скрипом, то и дело призывая на помощь Ся Тунбаня и домысливая упущенное по контексту.

К счастью, книжица оказалась тонкой. Пробежав её глазами, Ся Чэнь обнаружил лишь базовые советы по выращиванию привычных овощей — как раз тех, что уже росли на его грядках. Для него эти сведения не стоили и ломаного гроша: в системном пространстве растения всходили безо всяких капризов, а в обычном мире любой крестьянин и так знал эти премудрости наизусть.

К счастью, Ся Тунбань обобрал его не до нитки. В самом конце книги нашлось руководство по выращиванию клубники и несколько рецептов домашних заготовок: например, как мариновать кисло-сладкую редьку или солить огурцы.

Ся Чэнь кулинарно сглотнул слюну. Ему до безумия захотелось хрустящей кисло-сладкой редьки, но, увы, кроме самой редьки у него не было ни уксуса, ни сахара. Оставалось только облизываться.

— И всё-таки бесполезная вещь, — уныло вздохнул Ся Чэнь, забрасывая книгу обратно в системный инвентарь.

Он развернул свиток с заданиями. Как он и ожидал, восьмой этап ученического квеста светился зелёным — задание было благополучно завершено.

К огромной радости Ся Чэня, девятый этап тоже оказался пройденным. Требование обзавестись железным инвентарём выполнилось автоматически благодаря отцу-выручалочке, преподнесшему сыну столь своевременный подарок.

За первые шаги система отсыпала сущие крохи опыта и меди, но к концу цепочки награды заметно подросли. Даже после того, как ненасытный Ся Тунбань удержал половину заработанного в счёт долга, сбережения Ся Чэня вновь перевалили за один лян серебра.

— Не зря потратился, совсем не зря, — пробормотал он с кротостью вечного неудачника, привыкшего радоваться даже малой удаче.

До вожаемого ученического набора оставался всего один шаг. Ся Чэнь скользнул взглядом к последнему испытанию: хост должен достичь пятого уровня.

Он поспешил проверить шкалу опыта. Предыдущие два задания принесли приличную прибавку, и полоска заполнилась почти до самого края. До заветной цели не хватало самой малости — каких-то десяти очков опыта.